

ДМИТРИИ НЕСТЕРОВ

ИНДАБА

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ РАССКАЗАНА

Дмитрий Нестеров

**Индаба. История, которая
должна быть рассказана**

«Автор»

2026

Нестеров Д.

Индаба. История, которая должна быть рассказана /
Д. Нестеров — «Автор», 2026

Пронзительная семейная проза для взрослых и детей. Эта притча основана на реальных событиях, но содержит элементы доброй сказки: читатель сможет понять язык животных, которые общаются между собой и преданно помогают друг другу. Книга станет идеальным выбором для всех, кто любит четвероногих друзей и ценит их верность. Благородная собака породы родезийский риджбек Инда осталась одна в заколоченном доме. Она покорно ждала конца, но у судьбы были другие планы. Это история о невероятном спасении, удивительной кошачьей верности, мужестве простой учительницы и о Человеке, который подарил Инде новый мир: свой диван и спасенного волонтерами младшего брата Борю. Повесть Дмитрия Нестерова — это гимн зооволонтерам и всем, кто спасает тех, кто слабее. Это история о круговороте любви, способной исцелять израненные души. Пока люди приходят на помощь животным, наш мир обязательно будет спасен. Подарите своей семье эту теплую, мудрую историю. А Инда по сей день живёт у Дмитрия дома.

© Нестеров Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Нестеров

Индаба. История, которая должна быть рассказана

Глава

Дмитрий Нестеров

ИНДАБА

История, которая должна быть рассказана

Основано на реальных событиях.

Все герои этой книги — старая Инда, спасенный Боря, директор школы и учительница — не вымысел, а реальные участники одной большой драмы, развернувшейся между Санкт-Петербургом и Москвой.

Глава 1. Коллекция директора школы

— Послушай, ну это же чистый Пушкин! — Людмила Александровна изящным движением ладони поправила волосок к волоску лежащее каре и показала гостям свою идеальную, белую улыбку, от которой мне почему-то становилось страшно.

Её голос всегда звучал так, будто она стояла на деревянном возвышении перед толпой затихших детей. Он был ровным, гладким и очень холодным, как лед на луже в октябре. Сама она панически боялась беспорядка. Дорогие твидовые юбки никогда не мялись, а пальцы, унизанные кольцами, пахли резким, горьким парфюмом, который перебивал все остальные запахи в доме. Наша гостиная напоминала витрину магазина: светлые пушистые ковры, блестящий лакированный паркет и ни одной пылинки.

В этом чистом, замершем мире мне было отведено строгое место — плотный, жесткий коврик у самого камина. Людмила Александровна считала, что красивая собака должна быть как фарфоровая ваза. Лежать неподвижно, не дышать слишком громко и оживать только тогда, когда нужно показать гостям её рыжую шерсть и ровную полосу гребня на спине.

— Помните у Александра Сергеевича? — продолжала она звенеть над нашими головами, пригубивая вино из тонкого бокала. — «Инда очи разболелись, гляючи...». Это же старорусское слово, предел чего-то важного. А на зулусском наречии корень «индаба» означает важную весть, историю, которую необходимо рассказать. Она у нас — сказочная собака. Инда.

Да-да. Всё это рассказываю вам я. Как всем представляет меня хозяйка — неуправляемый рыжий, но красивый монстр с гребнем на спине по кличке Инда.

Я лежала на своем жестком коврике, прижав уши, и старалась не цокать когтями, чтобы не поцарапать этот блестящий пол, который Наталья Александровна любила больше всего на свете. Гости восхищенно кивали. Они думали, что наша хозяйка — очень добрая женщина, раз так красиво говорит. Но мы, собаки, смотрим на мир как маленькие дети. Мы не слушаем

слова, мы смотрим на руки, чувствуем ауру и интонации людей. Рука Людмилы Александровны никогда не гладила просто так для радости — она всегда проверяла, нет ли на мне грязи. Её пальцы оставались жесткими, даже когда она улыбалась. А дома, когда гости уехали, сказка о Пушкине пряталась в шкаф, и на мою шею надевали тяжелую железную петлю с острыми шипами, развернутыми прямо к моей коже. Наталья Александровна очень боялась, что я сделаю что-то не по её правилам. А страх у взрослых всегда пахнет железом.

Вскоре ей показалось, что одной рыжей собаки на коврике мало для красоты этого большого дома. В гостиной появился второй коврик, а на нем — кремовый лабрадор Глория. Её назвали в честь какого-то старого корабля царя Петра. А еще через год в нашу коллекцию добавили пушистый шарик чао-чао по имени Династия, которое идеально подчеркивало элитарность её безупречного дома.

Мы стали тремя живыми статуэтками. Риджбек Инда, лабрадор Глория, чао-чао Династия. Три девочки, которые должны были замирать по первому щелчку длинных ногтей нашей хозяйки. Но мы были живыми. Мы были как маленькие дети, которым хочется бегать и шуметь. Глория была самой послушной и веселой, она всегда хотела обниматься. Маленькая Династия была капризной, пряталась по углам и оставляла пух на светлых креслах. Но хуже всего было то, что кремовая, светлая шерсть Глории пачкалась от травы, а на лакированном паркете от наших лап оставались невидимые дорожки. Людмила Александровна хмурилась всё чаще, её шаги становились тяжелыми, и в один день нас троих просто согнали с ковриков и увели на улицу. Железный засов вольера закрылся с громким щелчком. На этом наше детство и наши прогулки закончились.

Когда шаги хозяйки стихли в доме, Глория растерянно села в углу вольера на холодную солому, подняла свои грустные глаза и тихо спросила меня:

— Инда, почему она сердится? Я ведь принесла ей утреннюю туфлю. Я держала её очень мягко, зубами за самый край, чтобы не испачкать. Я плохая, да?

— Ты хорошая, Глория, — ответила я ей, укладывая свою голову на её кремовый бок. — Просто теперь в доме всё поменялось.

Мы сидели в этом вольере, как брошенные на пустой платформе дети, караулили каждый шорох и не понимали, почему нас больше не хотят пускать в тепло. Нам казалось, что если мы будем сидеть очень тихо и незаметно, Людмила Александровна отгадает, её шаги снова станут легкими, и она вернет нас на наши коврики.

Но взрослые устроены иначе. Если они решают что-то вычеркнуть из своей жизни, они делают это до конца.

А однажды загородный дом стал для нашей хозяйки слишком маленьким. Ей захотелось уехать в огромный город Питер, в квартиру, где полы были еще чище, а зеркала — еще выше. Они с мужем упаковали большие чемоданы, перевели нас из уличного вольера обратно в пустующие, заколоченные комнаты, заперли входную дверь на замок и уехали. Особняк выставили на продажу прямо вместе с нами. Мы превратились в строчку в бумагах, в живое «приложение» к квадратному метру, которое отдадут новому покупателю в комплекте с забором и крышей. Как старые занавески, которые лень снимать с окон.

И для нас потянулись не недели, не месяцы — долгие, тягучие годы.

Несколько лет мы втроем жили в абсолютном одиночестве в этом засыпающем, затихающем доме. Точнее, мы думали, что в одиночестве. Иногда тяжелая входная дверь со скрипом

открывалась, и в коридор входили чужие люди. А имя у всех у них было одинаковое - Риелтор. Они водили за собой мужчин и женщин, которые громко топали обувью, трогали стены, открывали шкафы и заглядывали к нам в вольер.

Люди вели себя очень странно. Одни, едва завидев нас, брезгливо морщили носы, поджимали губы и говорили: «Фу, тут всё пропахло собаками, этот вольер нужно снести первым делом». Другие, наоборот, замирали, смотрели на наши худые ребра, на свалявшуюся шерсть Глории и Династии, качали головами и тихо, шепотом, чтобы не слышал риелтор, возмущались: «Боже мой, да как же так можно? Это же живые души, это же члены семьи... Как их тут оставили?».

Риелторам было всё равно. Они торопились, зевали и часто, уходя, просто забывали защелкнуть тяжелый железный засов нашей каморки. О, для нас это были самые счастливые дни! Едва шаги чужаков затихали на дорожке, я толкала носом незапертую калитку, и мы втроем вбегали в дом. Мы снова становились озорными, веселыми детьми. Мы запрыгивали на те самые запретные светлые кресла, таскали из углов забытые вещи, катались по паркету и дурачились так, будто Людмила Александровна уехала всего на пять минут. В эти часы в заброшенные комнаты на короткое время возвращалась жизнь, наполненная нашим тихим, радостным сопением и топотом лап.

А один раз случилось чудо. Пришел мужчина с очень грустными глазами. Он долго смотрел на меня через решетку, а потом, когда риелтор отвернулся к окну, молча и быстро протянул руку и полностью открыл наш вольер, оставив калитку распахнутой настежь. Он ничего не сказал, просто подмигнул мне и ушел.

Мы начали стремительно стареть в этой покрытой пвлью комнате. Когда мне исполнилось двенадцать лет — долгие, тяжелые семьдесят семь лет, если мерить человеческим веком, — мои суставы стали ныть от постоянной сырости, а когти выросли длинными, загнулись внутрь и мертвой хваткой врезаясь в подушечки лап при каждом редком, мучительном шаге. Ходить стало так больно, будто я ступала по осколкам разбитого стекла.

Глория и Династия тоже совсем сдали. Их некогда нарядная шерсть превратилась в серые, грязные колтуны, они больше не пытались вилять хвостом и разучились радоваться. Пушистая Династия часами сидела, уткнувшись лбом в облезлую стену, как обиженный ребенок, который выплакал все слезы и теперь просто молчит.

В один из самых холодных вечеров, когда мы уже три дня не слышали никаких человеческих шагов, Глория легла рядом со мной, тяжело вздохнула своим остывающим дыханием и сказала:

— Инда, мне кажется, я уже очень старая бабушка. Помнишь, как Людмила Александровна говорила гостям про имперский размах? А теперь мы просто тихо умираем здесь. О нас ведь забыли, правда? В наши семьдесят лет нас просто оставили тут, потому что мы стали серыми и некрасивыми.

— Нас не забыли, Глория, — тихо отозвалась из темноты Династия, и её мысленный голос звучал совсем по-детски обиженно: — Нас продают. Мы просто строчка в объявлении. Интересно, сколько стоит старая, больная собака в комплекте со побитым паркетом?

И вот тогда в нашей жизни появилась Она.

Сначала мы почувствовали запах. Это не были резкие, горючие духи Натальи Александровны, от которых хотелось чихать. От этой женщины шёл совсем неведомый нам, удивительный аромат. От неё пахло сладким чаем, старыми бумажными книгами и... чем-то еще. Каким-то совсем новым, сладковато-шерстяным, волнующим запахом, который мы никак не могли разгадать. Мы никогда в жизни не видели животных других видов, и этот шлейф, тянувшийся за ней, казался нам удивительной тайной.

Её звали Светлана. Она была учительницей в той самой школы, где командовала наша хозяйка. Светлана выглядела очень элегантно — тонкие запястья, прямая спина, мягкий узел

светлых волос. Но это была совсем другая элегантность, скромная. Её вязаная кофта была аккуратно заштопана на локте, а туфли давно потеряли блеск, но её руки были невероятно нежными.

Светлана приходила к нам регулярно. Риелторы, которым было лень убирать особняк и следить за ним, с радостью отдавали ей ключи, чтобы она присматривала за живым имуществом. И сухая еда в наших мисках, которую она покупала на свои монеты, стала появляться каждый день. Светлана не просто насыпала еду. Она садилась прямо на пол, не боясь испачкать свои брюки, протягивала к нам свои теплые ладони и разговаривала с нами так, будто мы были её учениками, которые сильно заболели. Её голос был теплым, как пуховое одеяло.

Но однажды Светлана принесла с собой не только еду. В руках она держала большую коробку с частой пластиковой решеткой. И едва она переступила порог, как по комнате густо, концентрированно разлился тот самый загадочный запах, который мы столько недель улавливали от её одежды. Только теперь он был смешан со страхом и какими-то кислыми лекарствами.

Мы мгновенно среагировали на этот запах, ставший осязаемым. Династия угрожающе зарычала, Глория испуганно оцитинилась и спряталась за мою спину, а я сделала шаг вперед и громко, грозно залаяла, защищая свою маленькую стаю от этой пахнущей неизвестности. Со стороны это, наверное, казалось диким лаем агрессивных монстров, но внутри нас всё дрожало от непонимания.

— Ой, пожалуйста, перестаньте так кричать, большие псы... У меня и так голова раскалывается, — вдруг раздался в наших мыслях тихий, капризный, но очень спокойный голосок из-за решетки.

Мы мгновенно замолчали и переглянулись. Из темноты коробки на нас уставились два огромных, круглых зеленых глаза. Маленькое пушистое существо с лапкой, замотанной белым бинтом, недовольно пошевелило длинными усами, зевнуло и нервно дернуло огромным пушистым хвостом.

— Вот так-то лучше, — мирно заговорила незнакомка, устраивая голову на пушистых лапах. — Меня зовут Майя, я кошка. И я совершенно не понимаю, зачем так шуметь. Мои бывшие хозяева думали, что я просто пушистая подушка для красоты, но когда я случайно сорвалась с высокого балкона и сломала лапу, они решили, что поломанная вещь в доме им не нужна. Они просто оставили меня на сырой земле. Я лежала там и думала, что мир — это холодное и злое место. Но потом пришла Светлана. Она пахнет мной, потому что я теперь живу у неё.

Кошка Света посмотрела сквозь пластиковую сетку на учительницу, которая в этот момент насыпала корм в наши миски и тихонько напевала себе под нос какую-то светлую мелодию.

— Эта Светлана — она особенная, — тихо, словно боясь вспугнуть тишину, продолжила Майя. — Она пачкает пальцы в белом меле и проверяет детские тетрадки. Но её руки умеют лечить чужую боль. Вместо того чтобы покупать себе новые вещи, она собирает по всему городу тех, кого люди оставили в беде. У неё дома уже живут птица с поломанным крылом, восемь кошек и взрослый человек по имени Муж. А теперь она узнала про вас. Вы думаете, она просто так сюда ходит? Она тратит на вас все свои монеты, которые зарабатывает в школе.

В этот момент Светлана закончила насыпать корм, вытерла ладони о фартук и достала из кармана маленькую плоскую коробочку. Коробочка вдруг слабо заиграла мягким светом в полумраке дома и тихонько заговорила чужими человеческими голосами. Учительница прижала этот светящийся кирпичик к уху, её плечи вдруг задрожали, и она заплакала, ласково поглаживая меня свободной рукой по рыжей голове. Она что-то быстро и взволнованно говорила внутрь этой коробочки, вытирая слезы рукавом кофты.

— Что это у неё в руках? И почему она плачет? — шёпотом спросила маленькая Династия, испуганно пошевелив ушами.

— Это её карманный вестник, — объяснила нам Майя, внимательно наблюдая за Светланой сквозь пластиковую сетку. — В этот светящийся домик можно говорить слова, и их слышат добрые люди в других, очень далеких городах. Прямо сейчас наша Светлана плачет и умоляет кого-то, чтобы они помогли вам. Она обещает этой коробке, что сделает всё возможное, лишь бы вас вытащили из этой дыры. Но ваша хозяйка из большого города Питера за эти звонки очень сильно на неё злится.

— Злится? Но почему? — удивилась наивная Глория, переводя взгляд с кошки на плачущую учительницу. — Разве помогать тем, кому тяжело, — это плохо?

— Взрослые люди — очень сложные существа, — мудро отозвалась Майя. — Ваша Людмила Александровна считает, что вы её вещи, которые должны молча лежать в пустом доме, пока его не купят или не умрёт. Она не хочет, чтобы кто-то знал, как вам здесь тяжело. Она записала нашу Светлану в свои самые злейшие враги за то, что та посмела кормить вас без разрешения. На неё теперь ругаются в школе, её хотят выгнать с работы, но она всё равно идет к вам. Она зовет через свой вестник помощь. Места в её кармане для всех нас не хватит, но этот светящийся вестник обязательно найдет тех, у кого дома есть свободные, теплые диваны, она так уже несколько кошек на моих глазах пристроила. Подождите еще совсем немного, большие псы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.